

Красота спасет Мир

А.А. Баркова

Многоцветие, чистота и свежесть

Выставка Геннадия Карепова

Музей имени Н.К. Рериха в Москве уже много лет предоставляет свои залы современным художникам, которые отчетливо выделяются на фоне современного искусства, ушедшего либо в концептуальность и абстракцию, либо в откровенную коммерцию. Художники, которые выставляются здесь, — это профессионалы и любители, маститые мэтры и начинающие мастера, те, кто получил международное признание, и те, кто был доселе никому не известен. Всех их объединяет одно: в своем творчестве они воплощают не телесный мир, а духовный. Они находят зримый образ для Несказуемого.

Последние годы идет удивительный процесс возрождения русской духовности. Во все века русское православие было синтезом идей собственно христианских с идеями народными. В эпоху двоеверия (XI—XII века) этот синтез был запечатлен в прекрасной белокаменной резь-

бе православных храмов, где земное и небесное, христианское и языческое переплелись так тесно, что невозможно истолковать символику этой резьбы в традиции только одной религии. Когда язычество кануло в прошлое, православие не утратило своих особенных, русских черт: главным образом народной веры стала Богородица-заступница, Великая Мать, которую чтили на Руси задолго до прихода христианства. Этот народный образ Богородицы наиболее ярко был воплощен Николаем Рерихом в алтарном изображении Царицы Небесной в храме в Талашкине.

Современные художники, обращаясь к православной тематике, идут по многовековому пути своих предшественников. Хотя они прекрасно знают иконописный канон, им тесно в его рамках, они ищут и находят способ говорить языком сакральных образов о нынешних страданиях и чаяниях. Одним из таких художников является Геннадий Карепов. Его картина «Заступники» — это искреннее, глубоко прочувствованное отражение народного православия, где Богородица и святые идут по Русской земле. Все фигуры написаны в классической иконописной традиции, а золотисто-коричневый колорит картины вызывает в памяти потемневшие старинные иконы. Это сочетание традиционных иконописных образов и свободной авторской композиции удивительно органично. Вечная духовность и тревога за сегодняшний день, воплощенные на этой картине, становятся двуединством, двумя ипостасями одного целого.

Образ Великой Матери проходит через всю русскую культуру, от идолов Лады и Мокоши древнейших языческих времен до Родины-Матери советской эпохи. Великая праху Макошь, хозяйка судеб, безымянная богиня с птицами в руках, вышитая на русских полотенцах, прародительница всего живого, Богородица, оберегающая каждое дитя в каждой крестьянской избе, владычица тайн жизни и смерти — у нее множество имен и множество обликов, но этот образ был и остается главным в сознании русского человека. И неудивительно, что Геннадий Каре-

Пьющий ангел

пов свои философские картины строит на сложных женских образах, в которых вневременные идеи воплощаются через изображение большезлых печально-задумчивых древнерусских княгинь. Однако символ выше любых народов и времен. В композиции этих картин читаются философские идеограммы. То это три перекрывающихся круга — так со времен неоплатоников изображали триаду дух—душа—тело, три плана человеческого бытия. В одеянии княгини различаются символ ян-инь, двуединство мужского и женско-

306

Скорбящий ангел Беслана

го, активного и пассивного. Тонко чувствуя мифологию, художник изображает своих героинь закутанными в покрывало, бесчисленными узорами, рисунок которых словно уводит нас в глубь картины, в глубь философских идей, в ней воплощенных. Покрывало Богини всегда символизировало тайну, глубинную мудрость, постигаемую не разумом, но сердцем. Именно поэтому мы не будем искать прямых, точных истолкований узоров на покрове героинь художника: любая однозначность обеднит символику этих картин. В певучих, выразительных линиях этих узоров чувствуется твердая рука мастера-зодчего (Геннадий Карепов — архитектор по образованию).

Геннадий Карепов — уроженец Красноярска, и поэтому неудивительно, что в его картинах отражаются гигантские просторы Сибири, бескрайней земли, еще не утратившей своей первозданной мощи. Былинные богатыри на картине художника предстают подобными горе, исполненными силы, но они не стремятся одолеть, победить кого бы то ни было, они стоят на страже, древние, как

сама земля, и светлые, как солнце, и не угрожают никому, кроме несущих угрозу в себе.

Особенно стоит отметить пейзажи Геннадия Карепова. В отличие от символических картин художника эти пейзажи написаны в лучших традициях русского реализма. В них отчасти угадывается творческий метод раннего Николая Рериха — когда камень оживает, а деревья, животные и даже человек словно тоже становятся каменными, оставаясь живыми. В свое время Максимилиан Волошин очень точно определил метод Рериха; его слова всецело применимы и к пейзажам Геннадия Карепова: «Основной темой остается та же великая земля, одинаково суровая, простая и трагичная... С сурового древнего севера принес свое искусство Рерих. Оно такое же тяжелое... как его земля... Нельзя определить, какими тысячами отдалена от нас эта земля Рериха, земля, с которой только что сошла мертвая толща вечных льдов... Камень становится растением, растение — зверем, зверь — человеком, человек — демоном, демон — богом»¹.

¹ Волошин М. Лики творчества. Л., 1989.

Моя Родина

Геннадий Карепов творчески наследует не только Николаю, но и Святославу Рериху: обобщенный рисунок и яркие, полновзвучные цвета некоторых картин свидетельствуют об этой линии преемственности. Подобно Святославу Рериху, который мог работать и в реалистической манере, и в обобщенно-символической, Геннадий Карепов иногда отказывается от изоэдрированной проработки рисунка ради мощных, врезающихся в память образов. Кстати, на его картинах можно найти не только «цитаты» из Святослава Рериха, но и из других художников, например, летящего человека Марка Шагала.

Картины мастера поражают своим многоцветием, чистотой и свежестью красок. Колорит многих из них — радужный, и это не случайно. Радужный колорит присущ тем художникам, кто избрал своей стезей передачу духовных идей, и — детям. Дети способны видеть мир чистым, ярким, праздничным, еще не затянутым паутиной быта и тех проблем, которые кажутся взрослым важ-

нейшими, но на самом деле — ничто перед духовным ростом. Художники, такие, как Геннадий Карепов, смогли сохранить в себе это чистое видение. Однако почему именно радуга? Со школьной скамьи мы знаем, что белый свет раскладывается на семь цветов спектра. Древние, не обладая нашими познаниями, ощущали это — и в мифологии многих народов радуга предстает мостом, ведущим в небесные миры. В буддизме радуга — символ Майтрейи, грядущего будды, и священной страны Шамбалы, хранящей высшую мудрость. Радужное многоцветье — символ высших духовных богатств, доступных лишь тем, кто чист душою.

Такое понимание дает ключ к сути творчества этого мастера и многих других его собратьев, тех, кто ищет и находит зримое воплощение Несказуемого. Еще сто лет назад великий русский философ В.С. Соловьев определил этот творческий поиск как теургию, духовное преображение человека. Для Соловьева Красота — это «преображение

Матери Миров

Свет

материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала»². Ему вторит Н.А. Бердяев: «Всякий творческий акт есть частичное преобразование жизни. В художественном восприятии мир дан нам уже просветленным и освобожденным, в нем прорывается человек через тяготу мира. В творчески-художественном отношении к миру уже приоткрывается мир иной. Восприятие мира в красоте есть прорыв через уродство “мира сего” к миру иному»³. Для лучших из русских художников творчество никогда не было личным делом, просто самовыражением, оно становилось частью процесса духовного преобразования общества, или, говоря иначе, процесса космической эволюции человечества. И эти слова всецело применимы к творчеству Геннадия Карепова. Природу такого искусства объясняет генеральный директор Музея им. Н.К. Рериха академик Л.В. Шапошникова: «В символе-образе подлинного искусства как бы объединяются два мира — невидимый и проявлен-

ный, тонкий и плотный, Высший и низший. Сам символ, его образ и форма принадлежат предметно проявленному и плотному миру, но его энергетика несет качество невидимого Высшего мира. Два мира, два состояния материи, два разных качества энергетике пересекаются и живут в символе. <...> Через эту двойственность символа и пролегает нелегкий путь земной красоты, ведомый таинственным и сокровенным процессом энергоинформационного обмена в глубинах Космоса»⁴.

Выступая на открытии выставки Геннадия Карепова, Л.В. Шапошникова говорила о том, что художник, создающий Красоту, связан с высшим миром, он как бы несет и Космос и Землю. В творчестве Геннадия Карепова космическое начало преобладает, в его картинах сияет высшая Красота, то есть тонкая, высокая энергетика, которая, проникая в наш внутренний мир, делает его выше, чище и духовнее. Без этой Красоты невозможно само продвижение космической эволюции человечества.

² Соловьев В.С. *Философия искусства и литературная критика*. М., 1991. С. 474.

³ Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 302.

⁴ Шапошникова Л.В. *Философия космической реальности / Учение Живой Этики*. Зов. М., 2003 С. 70

А.П. Кабанова

Чистый родник

Выставка Владимира Платонова

Искусство — это посредствующее звено между нами и вечностью.

Эрнст Гофман

Мы слушаем тебя, историк,

Чтоб знать, что с нами будет впрямь.

С. Липкин

Как-то в детстве, в эвакуации, на высоком песчаном берегу Вятки, на самом его откосе увидела я небольшой фонтанчик воды, ритмично бьющий из-под песка. «Мама, глянь, вода бьет прямо из-под земли!» «О, какая сладкая! — набирая воду в пригоршню и пробуя ее, как-то особенно заулыбалась мама. — Какой чистый родник!» «А почему родник? Это ж ключ, — удивилась я. — Что, он нам какой-то родной, что ли?» «А как же! Ведь он долго-долго бьет из нашей земли, которую мы зовем Родиной. Он

и род-то свой ведет из нее, как и мы. И реку эту прекрасную поит, и людей. Как же он нам не родной!» Именно этот эпизод детства вспомнился мне, когда я пришла в Международный Центр Рерихов на выставку Владимира Платонова. Такой родниковой чистотой и свежестью повеяло от его творчества, от него самого! Повеяло той порой жизни, что дорога каждому, — детством. Оно светилось в работах художника не только искренностью и непосредственностью, но и ярким видением другого детства — детства славян-

ских, угро-финских, тюркских племен, из которых и сложился великий русский народ. О древнем нашем детстве знают и вспоминают очень, очень немногие. Один из них — Владимир Юрьевич Платонов.

Мягким, внимательным взглядом, деликатно-вдумчивой манерой разговора, широкой осведомленностью при идеализме, так не свойственном нашему времени, он похож на молодого интеллигента конца XIX века, собирателя былин и сказаний. А широким разворотом плеч, статью, всем простодушным обликом и сам напоминает добра молодца — героя народных сказок. И вот этот 27-летний молодец в сознании человека, прожившего жизнь, поднял целый пласт. С ним интересно разговаривать, он заставил меня взглянуть на детство своего народа, его древнюю историю так, как я никогда не глядела. И уверена, не только я, но и многие из нас.

Володя — слесарь-оператор Десногорской атомной станции, студент четвертого курса исторического факультета Смоленского педагогического института, художник, без профессиональной подготовки создавший серии прекрасных работ о жизни и обрядах древних племен, руководитель детского театра народного действия «Колыда». Он же самобытный автор сказок, стихов,

очерков. Откуда у молодого человека из российской глубинки такой диапазон интересов, такое живое ощущение истории?

— Из детства, — считает Владимир. — Мне удивительно повезло: до семи лет я воспитывался у бабушки и бабушки, а потом приезжал к ним на каникулы. Есть люди, в которых душа народа, его нравственная культура прямо-таки светится, они яркие носители своего этноса. Именно такой человек моя бабушка. Родившаяся в крестьянской семье, она передала мне любовь и интерес к старинным русским обрядам, сказаниям, а как травница — к родной природе. Это с одной стороны. А с другой — дедушка, на редкость одаренный внутренней интеллигентностью. От него у меня любовь к Востоку — Монголии, Индии. Его мать, моя прабабушка, была чистокровной монголкой, удивительно красивой и обликом и душой женщиной. Она очень любила Россию. По рассказам деда, у нее был дар предвидения, и нашей стране она предсказывала великое будущее. А провожая 17-летнего своего сына, моего деда на фронт, сказала, что он останется жив, но ее больше не увидит. Так и случилось.

Что же касается Индии, рассказывает Володя, то она окружала его с детства статуэтками танцующих богов, слонов, разной утварью, альбома-

Язычица

Древо жизни Великое

ми, фотографиями. Дедушка, сварщик высшей квалификации, пять лет работал в Индии на строительстве завода и очень полюбил эту страну. И еще было в доме множество энциклопедий, там Володя впервые познакомился с индийской и древнерусской миниатюрой, по ним учился рисовать. А потом мама привела его на выставку, открыла ему мир Рерихов.

— Николая Константиновича я считаю своим Учителем, — говорит Владимир. — А Елена Ивановна, как я думаю, «Ведущая» не только для Николая Константиновича. Вот эту работу я посвятил ей.

...Большая, мощная медведица поднялась и, тяжело ступая, двинулась за прекрасной восточной красавицей — носительницей сокровенного знания (об этом говорят древние священные знаки на ее наряде). Как замороженная устремляется медведица вслед чаровнице. Не легкий предстоит им путь: через поля, холмы, реки... Ведь устремляет их сокровенное знание.

— Я назвал эту работу «Язычница». Медведица — наша древняя Русь, наступит время, и ее поведет за собой Женщина, как об этом писала Еле-

на Ивановна Рерих. Я очень долго бился над тем, как выразить это устремление. А когда закончил, увидел во сне Николая Константиновича, он приблизился и сказал одно слово: «Убедительно».

А вот — «Лесной старец». Очень трогает эта работа наивной своей искренностью. Внимательно смотрят собравшиеся в кружок медведи на сидящего в центре седого, умудренного старца. Он знает звериный язык и учит их. Почтительно, благодарно смотрят на него усевшиеся вокруг звери. Они олицетворяют собой древние племена, населявшие тогда Русь, и очень почитают закон Иерархии.

— А почему вы назвали свою выставку «Тайное присутствие»?

— Потому что для меня история жива. Героические устремления народа, гармония с природой — она ведь для древних людей была храмом, — все это кристаллизовалось в обрядах, сказаниях и по-прежнему тайно среди нас присутствует. Древность — наш исток, духовно питающий родник. Мы получаем от него подпитку. Все лучшее в нас — из тех времен и нравов, и негоже считать своих праотцев глупее нас. А уж по

Народное действо

нравственным качествам насколько древний человек выше! То, что я пытаюсь изобразить на своих картинах, это нравственный путь наших далеких предков. Вот картина «Царь красоты». Это старец, здесь седина — время, опыт, мудрость, это духовная красота, вне ее красоты вообще не существует. Смотрите, все, что окружает благого старца: творения рук человеческих, творения природы, космоса, — все создано им, Вседержителем, по законам красоты и гармонии. Потому и чтит наши пращурь старцев.

— Даже благоговели перед ними. Вы знаете, если подумать, и в языке русском, в этимологии слова мы обнаружим то, о чем вы сейчас говорите. Ведь «пожалуйста» означает не что иное, как «пожалуй мя, старче, мудростью своей». А «спаси Бог» — это спасибо, «благо дарю» — благодарю. Часто ли мы над этим задумываемся? Не стала ли заключенная в языке прошлая мудрость народа формой без содержания?

— Увы! Вот обряд кумления: древний-древний. Летом, когда много цветов, люди плели венки и через них целовались — прощенья просили друг у друга, становились братьями. Кум — это духов-

ный брат, родич. И в христианский обычай перешло кумовство.

— Не из того ли источника и наш весенний православный праздник — Прощеное воскресенье?

— Конечно, источник один, наша история. Древние верили, что каждый умерший через некоторое время снова рождается. В курганах останки наших пращуров положены в позе эмбриона, чтобы человек быстрее и легче вернулся на землю снова. А когда вернется, должен обязательно вспомнить законы поведения своего народа. Потому и создавались, чтоб легче было запомнить, — обряды, сказания, легенды.

Есть у Владимира картина «Легенда». В благоговейном поклоне перекидывает девушка древних времен яркий рушник со священными знаками через синюю глубь реки. Река Времени не должна навсегда разъединять новые и старые поколения. История — мост памяти, связующий и каждый народ, и все человечество. Главное — не утратить в технократических дебрях нравственный опыт наших предков, опыт гармонии с природой, связи с Космосом, с этическими его за-

конами. Именно такое понимание истории раскрыл передо мной художник. История — это опыт человечества, запечатленный в памяти народа, в его обрядах, былинах. Неужели до конца был прав В.О. Ключевский, сказавший: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»? Казалось бы, нам ли, живущим в эпоху торжества научного прогресса, не знать, что вся наука строится на опыте. Или это касается только точных и естественных наук, а в гуманитарных ее областях, таких, как этика, опыт тысячелетий ничего не значит? Я задумалась: в каком же периоде своего развития находится теперь человечество? Такими ли должны были стать

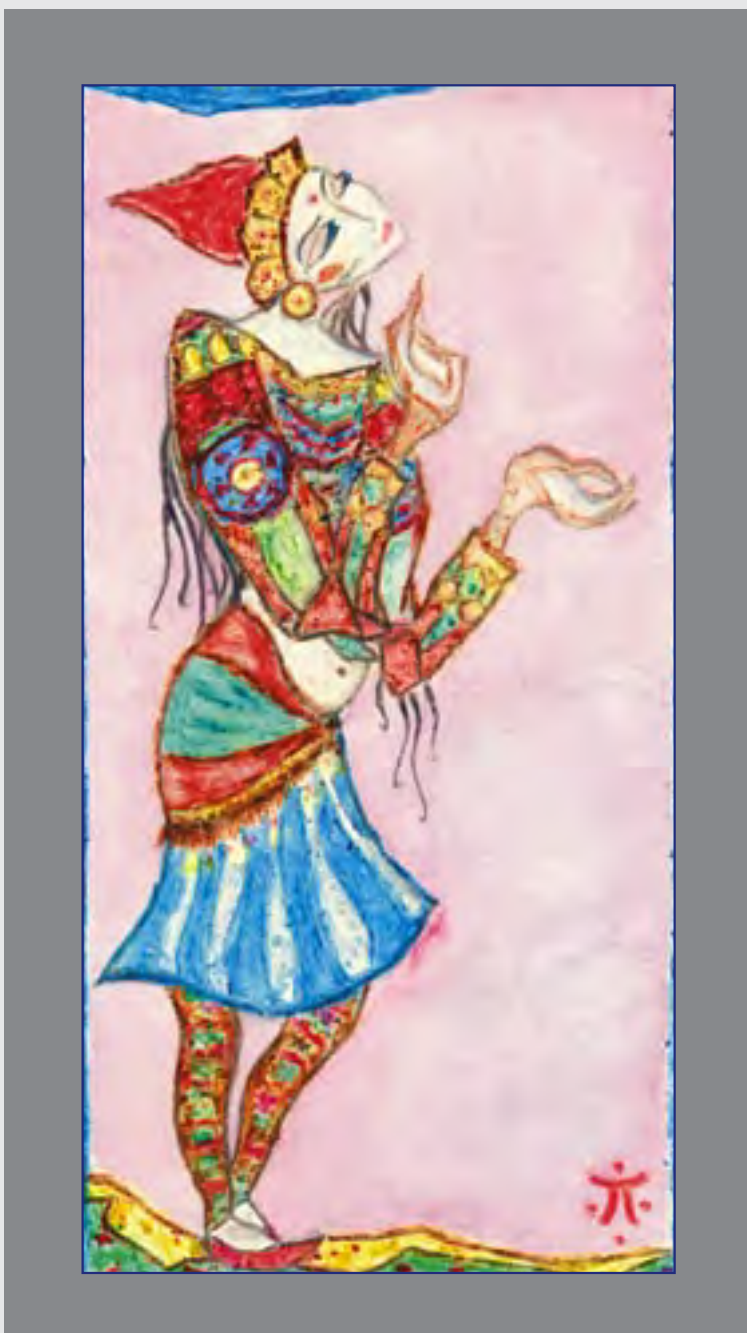
мы, люди, наследники законов красоты и гармонии, завещанных нашими предками? И можно ли назвать сегодняшнее время периодом нашего нравственного, интеллектуального возмужания? Иногда мне кажется, что лучшие дни человечества остались позади, в культуре XIX — XX веков, а вошли мы теперь в период старости, но не мудрой и благодатной, а сладострастно жестокой, безумной. Ведь создал нас Вседержитель по своему подобию, наделив свободой выбора. И что же мы сейчас выбираем? Почему пренебрегаем опытом прошлых поколений? Уильям Блейк, гениальный поэт и художник, писал: «Истину нельзя рассказать, надо, чтоб в нее поверили». У Владимира Платонова такая вера есть. И не только вера, но и талант ее передавать через свое творчество.

— Детство нашего народа, общечеловеческое детство заряжено мощнейшими энергиями жизни, — считает он. — И русский народ, как ни одна нация, несет в себе эти созидательные энергии. Они заложены в его корнях. И надо не дать им засохнуть. Дерево обречено, если корни перестают его питать. Я стараюсь ближе подойти к этим корням и в своих картинах, и когда работаю с детьми в театре народного действия «Коляда». Мы возрождаем старинные русские обряды, но я не хочу, чтоб это стало русской поп-культурой. Это живой исток, и дети чувствуют эту живую воду древней культуры. Обряд для них — красивое, высокое отношение к жизни, когда человек становится добрее, чище, когда он уважает память и своего народа, и человечества.

«Удивительная глубина познания. Красота, утонченность композиции и цвета» — так оценивает работы Владимира Платонова в книге отзывов художница Тарасова. А вот запись анонимная: «Русь! Как это замечательно, что она возрождается в художественном творчестве! А значит, есть надежда, что возродится и в жизни. Спасибо!»

Володя верит, что наша страна возродится благодаря великой ее культуре.

— Для меня Россия, — говорит он, — лакмусовая бумажка. Она выявляет истинное направление жизни, а не то, что рекламирует Запад. Россия не может жить только цивилизацией, вне культуры, теми эрзацами, что ей навязываются. У нас столько своих прекрасных путей, их открывают наша бессмертная литература, искусство, музыка, наука! Если мы обратимся к своему

Кунава

Легенда

историческому опыту, духовным корням, то не только поднимемся сами, но и устремим за собой все человечество.

Закончить очерк о 27-летнем художнике, поэте, мыслящем человеке я хотела бы его стихотворением «С красотой»:

*С красотой ищем пути. Путь тернист наш,
  усеян камнями.
На камнях начертания опасные. Но мы прочи-
  таем все камни,
И непременно все знаки. Такими сможем вперед
  устремиться
И измениться мы сможем. С красотой придем.*

P.S. Я счастлива, что узнала Володю Платонова, бесконечно благодарна Международному Центру Рерихов за поиск и открытие таких светлых людей. Писала я о художнике в те дни, когда

Московская областная программа М-1 несколько раз показала жителей знаменитой исторической подмосковной деревни Жуковка. О ней сложена прекрасная песня, здесь в 1941 году защищали Москву герои-панфиловцы — они погибли за Родину, за всех нас. И вот теперь жители этой деревни отстаивают созданный ими самими скромный памятник погибшим героям. В нем для потомков замурована капсула — с рассказом об их подвиге. Так вот, владелец ресторана, построенного неподалеку, решил снести этот памятник, срубить ведущую к нему аллею, посаженную жуковцами. Снести все это с лица земли и устроить здесь стоянку для машин, чтобы удобнее было посетителям загородного ресторана! И администрация района, к которой жители деревни обратились за помощью в таком святом деле, против этого чудовищного кощунства не возражает. Как же нам защищать свою память?!